

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»: КАК ЭТО БЫЛО И КАК ЗАКОНЧИЛОСЬ

© 2014 г. **В.А. Кременюк***

Институт США и Канады РАН, г. Москва

В декабре 2014 г. исполняется 25 лет с того времени, как на острове Мальта состоялась очередная встреча лидеров СССР и США – Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва и президента США Дж. Буша-старшего. Это была одна из многих встреч советского и американского лидеров, но на ней и тот и другой торжественно объявили о завершении «холодной войны». Событие, безусловно, весьма важное для мировой истории и требующее постоянного переосмысления из-за того огромного влияния, которое этот факт оказал на всю мировую политику.

Ключевые слова: «холодная война», конфликт, гонка вооружений, урегулирование конфликтов, переговоры, соперничество/сотрудничество.

Трансформация конфликта в «холодной войне»

«Холодная война» всегда начинается как подготовка к вооружённому столкновению. Каждая из сторон в конфликте тщательно изучает соотношение своих интересов (в основном состоящих в намерении разгромить противника военным путём) со своими же возможностями (среди которых анализ соотношения сил с противником занимает центральное место) и приступает к процессу подготовки к конфликту. К этому моменту принципиальное решение о борьбе, как правило, уже принято, и с этой точки зрения вызывают недоумение попытки разных специалистов-историков по обе стороны советско-американского барьера определить «кто первым сказал "мяу"», иными словами, кто был инициатором. Если бы хоть одна сторона была против столкновения, то военный конфликт между ними развивался бы либо как нападение одной стороны на другую (откровенная агрессия), либо вовсе не состоялся бы. А так представляется, что ни одна из сторон принципиально не возражала против «пробы сил» и обе рассчитывали на свои преимущества, надеясь на военную победу.

В сущности, началом развития столь своеобразного процесса, как «холодная война», служит традиционно важное качество лиц, принимающих решения, состоящее в их способности трезво осмыслить свои возможности и возможности отпора со стороны противника. Насколько позволяет судить история, почти все неудачные и даже самоубийственные решения, которые вели к разгрому агрессора, зиждились на неадекватной оценке лидерами своих шансов на победу и

* **КРЕМЕНЮК Виктор Александрович** – член-корреспондент РАН, заместитель директора ИСКРАН.

Окончание. Начало см.: «США ♦ Канада», 2014, № 10.

способности противника дать отпор. Таково объяснение, например, причин разгрома Наполеона в России и провала агрессии фашистской Германии против СССР, поражения Великобритании, СССР и США в Афганистане в разные годы XIX, XX и XXI веков. Как логичная реакция на эти факты, возникает стремление участников конфликта тщательно изучать противостоящую сторону, её сильные и слабые стороны, историю её военных побед и неудач, и только после этого уже определять свою стратегию подготовки к конфликту.

Интересно в этой связи отметить, что в США количество исследовательских центров и институтов, изучавших в годы «холодной войны» Россию (Советский Союз), перевалило за несколько десятков, а в науке появилось такое устойчивое понятие, как «советология». Ответом советской стороны было создание Института США и Канады под эгидой Академии наук СССР в 1967 г., когда «холодной войне» исполнилось уже почти 20 лет. Видимо, до этого руководители Советского Союза считали, что они и так хорошо знают Америку, её сильные и слабые стороны без развития такой области политических знаний, как «американистика».

Подготовка к военному конфликту – длительный и сложный процесс. Со стороны он может выглядеть элементарно просто: надо добиться позиции силы и с неё начинать действовать. На деле же это требует огромных и систематических усилий. Во-первых, действительно надо готовить вооружённые силы и их резервы для войны, причём – для «большой» войны, в которой может потребоваться всеобщая мобилизация сил и средств. Во-вторых, надо создавать атмосферу военной угрозы и распространять её на все стороны жизни общества. В-третьих, надо постараться так организовать внешнюю среду, чтобы в ней сложилось благожелательное и сочувствующее отношение к своей стране, а также осуждение и неодобрение действий противостоящей стороны. И, наконец, надо при этом вести себя достаточно осторожно, чтобы своими же поспешными действиями не спровоцировать другую сторону на удар в момент, когда своя сторона не может на него ответить (например, когда в стране идёт интенсивная кампания по выборам президента или имеют место экономические трудности).

Все эти действия предпринимались на начальной стадии «холодной войны», когда надо не просто создать обстановку враждебности, а «разжечь» страсти и запустить «двигатель» конфликта. Но в случае с конфликтом между США и СССР так не получалось. Оба государства были союзниками в войне против гитлеризма. Как бы скептически ни оценивали в СССР вклад американцев в общую победу, Соединённые Штаты предприняли гигантские усилия для её достижения. Были мобилизованы промышленность и сельское хозяйство, наука и здравоохранение, транспорт и торговля для создания той самой позиции силы, без которой не может быть победы. Американские войска вели боевые действия в зоне Тихого океана, Африки и Евразии (в том числе в Северной Атлантике), неся при этом потери. Несмотря на несопоставимость вкладов СССР и США в общую победу (более 26 млн. погибших с советской стороны против 418 тыс. боевых потерь американцев), всё же воевали и те и другие. И поэтому победа действительно была общей.

И после всех этих жертв и торжества победы развернуть события в противоположную сторону и объявить вчерашнего союзника «врагом» было весьма и весьма сложно. И в США, и в СССР. В Советском Союзе такие вопросы всё же

решались относительно просто: достаточно было официальной прессе обвинить вчерашних союзников в том, что они «не жалели крови советских солдат», что они отделивались «вторым фронтом» (как саркастически называли американские поставки продовольствия и медикаментов в СССР в 1942–1944 гг.), заявить, что в стране появились «космополиты», готовые продать Родину американцам, чтобы мнение миллионов людей, потерявших в войне своих родных и близких, повернуть против «благополучных американцев», которые так и не узнали, что такое чужая армия на твоей территории. Усилиями официальной пропаганды была создана густая атмосфера антиамериканизма, живущая до сих пор и подкармливаемая определёнными политическими силами.

В США всё обстояло иначе. И дело не только в том, что десятки и сотни тысяч американцев принимали участие в боевых действиях, в которых они громили общего с русскими врага; не только в том, что в самих США образовалась атмосфера уважения к жертвам русских в борьбе за общее дело. Союзничество с Россией в войне и перспективы близости обеих стран после её окончания порождали огромные ожидания среди деловых кругов, интеллигенции, политиков. Многие американцы помнили, что в 1930-х годах именно советские заказы на промышленное оборудование и технологии по созданию авиационной и автомобильной техники, тракторо- и сельхозмашиностроения, производства электротехники, специальных сплавов и многого другого сыграли большую роль в преодолении кризиса (что, между прочим, позволило режиму Сталина продемонстрировать всему миру чудеса «ускоренной индустриализации», а советскому народу выстоять в самой страшной и кровопролитной войне). Не исключалась возможность, что залечивание ран, нанесённых войной, в Советском Союзе могло стать прибыльным делом для американского частного капитала.

И для многих американцев, в том числе серьёзных политиков, перспектива выглядела не как помощь разгромленным Германии и Японии восстановиться после заслуженного наказания, а в первую очередь – как оказание дружественной помощи Советскому Союзу, Франции, Польше, Чехословакии и другим странам, пострадавшим от гитлеровской агрессии, в восстановлении экономики и в строительстве нового более справедливого общественного порядка. Именно эта перспектива представлялась им наиболее правильной и логичной и ведущей, среди всего прочего, к реализации «американской мечты». И именно эту перспективу президент Г. Трумэн предлагал перечеркнуть и заменить иной – диктат в отношении ослабленного войной Советского Союза, установление правил и порядков, на которые сталинский режим не пошёл бы никогда в жизни.

В перемене отношения правящих кругов США к Советскому Союзу сыграли роль многие факторы. Прежде всего, фактор неопределённости, при котором США не могли быть уверенными, что их мировой порядок вообще когда-нибудь состоится. Когда произошло нападение фашистской Германии на Советский Союз, среди американских политиков были распространены разные чувства. Одни, как, например, бывший тогда сенатором Г. Трумэн, считали, что Соединённым Штатам не следует вмешиваться и тем более поддерживать какую-либо из воюющих сторон: пусть воюют обе и истощают друг друга как можно дольше. Другие просто уже похоронили Советский Союз, видя, как обезглавленная собственными органами безопасности Красная Армия отступает к востоку, отдавая немцам всё новые

и новые территории. Оставалось только дожидаться, когда немцы устанут от побед и продиктуют Сталину условия мира. Третьи, и в их числе был президент Ф. Рузвельт, всё же считали, что хоронить Советский Союз рано и надо хоть как-то его поддерживать. Но в целом оптимистов среди американских политиков, которые верили в победу России, почти не было. И каково же было их изумление, когда, казалось бы, разгромленная Красная Армия вдруг остановила вермахт на Волге, уничтожила и пленила одну из его самых боеспособных единиц (6-я армия Паулюса) и начала упорное движение на запад.

Это было подлинным стратегическим сюрпризом для американцев. В ходе тяжелейших боёв, ценой огромных жертв и беспримерного героизма русская армия (ставшая в тот момент Советской) громила германские дивизии, рвала немецкую оборону, брала один за другим оккупированные немцами города и уже в 1944 г. стала самой мощной армией в Европе. Сторонники И.В. Сталина до сих пор приписывают это чудо «мудрому» руководству вождя (забывая при этом, что в 1941–1942 гг. при том же «мудром» руководстве армия позорно отступала), но на самом деле, если вспомнить концепцию войны Л.Н. Толстого в романе «Война и мир», армия делала то, для чего и была создана – громила врага. Вот это чудо стратегии и поразило американцев (и не только их). Русский «паровой каток» двинулся на запад. Отсюда – чувства страха, удивления, паники и даже восхищения среди американцев в 1945–1947 гг., когда закладывались основы долгосрочной стратегии США на послевоенный период.

Надо признать, что и советский режим вёл себя в это время достаточно вызывающе. Абсолютный контроль спецслужб и карательных органов над страной, установленный в 1930-х годах под предлогом борьбы против «врагов народа», не только не был отменён, но и усилился, несмотря на победоносное окончание войны. Режим боялся своего народа, победившего страшного врага, и беззастенчиво использовал его великую победу для укрепления своего авторитета и возвеличивания собственной роли. Были созданы и внедрялись в массовое сознание легенды о «руководящей» роли Коммунистической партии, лично И.В. Сталина в достижении победы («10 сталинских ударов»). Гнёт внутри страны при этом после окончания войны и великой победы только усиливался. Иностранцам в страну доступа не было, частным инвестициям – тем более. В 1947–1948 гг. начался процесс «коммунизации» стран Восточной Европы, оккупированных советскими войсками и управляемых органами безопасности. В СССР начали готовить новые массовые репрессии против деятелей культуры и науки, против евреев, против малых народов Крыма и Северного Кавказа.

Действия советских властей в собственной стране и в зависимых странах послужили хорошим предлогом для начала широкой антисоветской и антикоммунистической кампании в США и в странах Западной Европы. В конце 1940-х годов в Западной Европе подобные настроения позволили удалить из правительств Франции и Италии членов коммунистических партий. В США эта кампания увенчалась появлением в начале 1950-х годов «маккартизма» (движение, организованное сенатором Дж. Маккарти для устранения из госаппарата всех лиц либеральной ориентации под предлогом борьбы с коммунизмом). И администрация президента, и многочисленные добровольцы из числа «не-

зависимых» журналистов создавали в США атмосферу враждебности в отношении СССР, которая временами достигала уровня массовой истерии («Русские идут!»). В целом, администрация Трумэна сумела добиться поворота в отношении американцев к Советскому Союзу, а после победы республиканцев на президентских выборах 1952 г., когда президентом США стал герой войны, бывший командующий американскими войсками в Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр (1952–1960 гг.), сотрудники новой администрации, в частности госсекретарь Дж.Ф. Даллес, закрепили это состояние умов американцев в официальных директивных документах.

Казалось, что достигнутое положение устраивает всех. Дальнейшее развитие «холодной войны» породило схожие процессы в обеих противостоящих системах. Во-первых, сложился идеологический стереотип, непоколебимая убежденность в подлости и коварстве другой стороны и необходимости готовиться к войне ней. Это стало, по сути, государственной религией, последствия которой сохраняются и в США, и в России до сих пор: экономическое развитие не мыслится без военных ассигнований, а единственный адресат военных приготовлений – другая сторона. Во-вторых, и там и там были созданы целые административные и экономические подсистемы, нацеленные на выполнение этой задачи и получившие практически неограниченный доступ к государственным ресурсам. К их числу относятся военно-промышленный комплекс (ВПК), военное командование, спецслужбы, огромная часть пропагандистского аппарата, деловые круги, кормившиеся от расходов бюджета на войну, а также многочисленные исследовательские центры. В-третьих, и в Советском Союзе, и в США появилась неодолимая инерция враждебности, которая и стала основным содержанием общественной и культурной жизни и сохраняется до сих пор в виде «поиска врага». Эта инерция диктовала все популярные среди масс решения, поскольку они объединялись соображениями «национальной» или «государственной» безопасности, и она же устанавливала жесткие рамки выбора политических решений, что продолжает ощущаться и сегодня.

Очень многие политики и в США, и в СССР хотели бы увековечить это состояние дел – что внутри страны, что в её внешних отношениях. Но всё же дело в том, что и эта система не могла стоять на месте; она развивалась по мере развития науки и техники, производственных мощностей, уровня понимания стоявших задач, созревания общественной морали. Довольно скоро после начала «холодной войны» (в 1949 г.) в СССР было испытано атомное оружие, что покончило с атомной монополией США и сделало возможный конфликт одинаково опасным для обоих противников. Правда, Советский Союз отставал от противника в возможностях доставки своих ядерных средств до американской территории. США к тому времени уже располагали сетью баз стратегической авиации в Исландии, Великобритании, Испании, Турции, Пакистане, Японии.

Советскому Союзу было трудно создать симметричную угрозу в адрес США (ускоренное производство межконтинентальных баллистических ракет было ещё только в проекте), но в ответ советские вооружённые силы создали убедительную угрозу западноевропейским союзникам США, а на Дальнем Востоке – Японии. Своеобразный обмен угрозами на том этапе привёл к кризису доверия между США и их союзниками, которые не верили в американские гарантии и сомне-

вались, что США сумеют оказать своевременную помощь в случае нападения Советской Армии. В 1966 г. острота этого кризиса проявилась в решении правительства Франции выйти из военной организации НАТО. Но в целом «баланс страха» был создан и стал одним из столпов сложившейся мировой системы.

Со временем процесс накопления сил по обе стороны «железного занавеса» («гонка вооружений») привёл к уравниванию их военных возможностей. И Советский Союз, и США располагали десятками тысяч ядерных боеголовок, сопоставимым арсеналом средств доставки ядерного оружия до территории противника (межконтинентальные баллистические ракеты, стратегическая авиация и подводные лодки с ядерными ракетами на борту), внушительными обычными вооружёнными силами в Европе и на Дальнем Востоке. Сложилось состояние «стратегического паритета», который потребовал от обеих сторон повышенной осторожности и предусмотрительности, так как обеспечивал ответный сокрушительный удар при любых формах и способах нападения. Появилось также обоюдное понимание того, что необходима сдержанность, усилились и опасения по поводу случайных несанкционированных действий, способных спровоцировать военное столкновение. Складывалась весьма своеобразная ситуация, когда обе сверхдержавы становились заложниками собственного оружия вследствие его огромной разрушительной силы и размеров своих военных систем (в СССР впоследствии академик Г.А. Арбатов сформулировал это так: «Народ для армии или армия для народа?»).

Развитие этих процессов привело к тому, что началась трансформация структуры противостояния двух сверхдержав. Изначально это был достаточно простой по намерению сторон конфликт: военные активы США и СССР друг против друга, военный разгром противоположной стороны до её полной капитуляции – как желательный итог. Но чем дальше развивался конфликт, тем более сложной становилась его структура и всё более трудными делались способы управления ею. На первых порах это ещё не вызывало большой тревоги, и поэтому расширение зоны конфликта происходило за счёт увеличения числа его участников: НАТО (1949 г.) и Организация Варшавского Договора (1955 г.). Нити управления конфликтом при этом всё равно оставались в руках обеих сверхдержав, хотя процессу прибавилось сложности в связи с тем, что каждый раз приходилось убеждать союзников в необходимости поддержки принимаемых сверхдержавами решений.

Увеличение числа действующих лиц в конфликте сопровождалось и усложнением механизмов управления за счёт новых или дополнительных органов. В США этот процесс был более заметен в связи с совершенствованием созданной на основе Закона о национальной безопасности (1947 г.) структуры Совета национальной безопасности (СНБ). В ней появились новые органы связи СНБ с отдельными ведомствами (Госдепартамент, Министерство обороны, ЦРУ и т.д.), а также новые подразделения самого Совета (например, Межведомственные группы) [4]. В СССР также происходили перемены в системе управления внешней политикой. Так, весьма заметным изменением в этой области было избрание министра обороны (А.А. Гречко), министра иностранных дел (А.А. Громыко) и председателя КГБ (Ю.В. Андропова) членами Политбюро ЦК КПСС в 1973 г., что значительно повысило уровень ответственности за прове-

дение внешнеполитических мероприятий, и в целом значение внешней политики в приоритетах Коммунистической партии.

И всё же главной чертой трансформации конфликта стало понимание крайней опасности возможных ошибок в управлении стратегическими системами. Уже где-то к концу 1960-х годов общее число ядерных боеголовок в распоряжении американских вооружённых сил превысило 30 тыс. единиц. Сопоставимое количество боеголовок было и в советских вооружённых силах (хотя точные цифры размеров советского ядерного потенциала, несмотря на то, что их передали американцам в процессе переговоров, до сих пор с неохотой признаются военными). Эксплуатация, обслуживание, охрана этих боеголовок требовали привлечения больших контингентов военнослужащих разного уровня образования, дисциплинированности, ответственности. Стратегические системы по обе стороны конфронтации стали представлять собой суперсложные объекты управления, и естественно, и там и там отбору надёжных командных кадров и кадров исполнителей уделялось особое внимание. Любые случайные происшествия с ядерным оружием (потеря, хищение, неправильное или небрежное обращение, нарушение сроков проверок и профилактики и т.п.) могли повлечь за собой катастрофические последствия, особенно если не было контактов с другой стороной и отсутствовала специализированная система обмена информацией. Подобный вопрос не мог не волновать руководителей государств, особенно если возникали ситуации, требовавшие немедленного реагирования.

Эта тревожная ситуация легла в основу сюжета фильма американского кинорежиссёра С. Кубрика, который вышел на экраны в середине 1960-х годов. В картине «Доктор Стрейнджлав» рассказывалось о том, как свихнувшийся американский генерал, командир базы стратегических бомбардировщиков, без санкции сверху отдаёт своим подразделениям приказ о нанесении удара по советской территории и что в итоге из этого получилось: удар всё же был нанесён. Фильм вызвал огромный интерес как в США, так и в Советском Союзе. Он затрагивал ту сферу, которую руководители государств предпочитали публично не комментировать, а в узком кругу – воздерживались от слишком откровенной демонстрации своих чувств. Речь шла ни много, ни мало, как о том, что люди, которым было доверено управление стратегическими силами, по сути дела держали в страхе собственных руководителей, поскольку в их власти было начать ядерную войну без соответствующего приказа.

Состояние конфликта на центральной оси противоборства – СССР против США – требовало какого-то нового конструктивного подхода, а между тем происходило расползание конфликта на периферийные регионы. Так в США появились концепции «малых» или «особых» войн и «отбрасывания коммунизма». Советская сторона это же противоборство оформляла как «помощь» народам, освободившимся от колониального ига, как поддержку стран «социалистической ориентации». Интенсивная борьба между двумя системами проходила на дальней периферии – Куба, Вьетнам, Лаос.

Однако попытка выйти из стратегического тупика за счёт активизации борьбы на периферии не помогла. США потерпели поражение во Вьетнаме (1963–1972 гг.), Советский Союз был вынужден бесславно вывести свои войска из Афганистана (1979–1988 гг.). В отдельных регионах – Юго-Восточная Азия,

Ближний и Средний Восток, Африка, Центральная Америка – сложилась ситуация, не позволявшая великим державам рассчитывать на лёгкую победу даже на столь низком уровне. Реально в противостоянии СССР и США наметилась следующая перспектива: «холодная война» трансформировалась из ситуации подготовки военного конфликта между СССР и США, какой она была в конце 1940-х годов, в ситуацию сохранения и поддержания стратегического баланса к 1970-м годам.

В 1988 г. в издательстве Оксфордского университета (Великобритания) вышла монография коллектива американских специалистов по национальной безопасности под названием «Сотрудничество между СССР и США в области безопасности: достижения, неудачи, уроки» [21]. Редакторами книги были три профессора из Стэнфордского университета – А. Джордж, Ф. Фарли и А. Даллин. Авторский коллектив, в состав которого входили известные дипломаты и профессора, в основном также происходил из Стэнфорда (среди них была и Кондолиза Райс, в то время доцент этого университета). Само по себе и место написания книги – Стэнфордский университет, и место её издания – Оксфордский университет в Англии – для людей знающих говорят о многом. Стэнфорд – один из самых дорогих и престижных частных университетов США, располагающих высококвалифицированной профессурой, берущейся за исследование наиболее важных и сложных проблем стратегии и политики. Издательство же Оксфордского университета берётся за публикацию только весьма удачных и политически актуальных книг.

Всё это говорит о том, что книге и поставленной в ней теме придавалось большое значение. В середине 1980-х годов, когда в советско-американских отношениях было достигнуто значительное количество удачных решений проблем сохранения стратегического баланса и поддержания стабильности, американские специалисты оценивали весь путь, который прошли сверхдержавы за период «холодной войны», в терминах «сотрудничество и соперничество». Речь при этом, конечно же, отнюдь не шла о прекращении «холодной войны»; до таких высот тогда никто не поднимался ни в США, ни в СССР. Единственным исключением была работа международной группы экспертов под руководством бывшего премьер-министра Швеции У. Пальме, которые отважились заговорить о необходимости выхода из «холодной войны», как стратегии укрепления глобальной безопасности (видную роль в работе этой группы играли советские эксперты под руководством Г.А. Арбатова) [1]. Американские специалисты, участвовавшие в работе «Сотрудничество между СССР и США в области безопасности», остановились на идее укрепления стратегического баланса. С их точки зрения, в тогдашних условиях только эта мера могла обеспечить безопасность обеих сверхдержав и всего остального мира. О более позитивной повестке дня отношений между СССР и США тогда не упоминалось. Если же кто-либо об этом и говорил, на него смотрели как на безнадежного оптимиста.

Возможно, американцы были правы. До избрания М.С. Горбачёва на пост Генерального секретаря ЦК КПСС (апрель 1985 г.) никто в Советском Союзе, даже те, кому позволялось демонстрировать «широту взглядов» (группа консультантов международного отдела ЦК, в числе которых были Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин, Л.П. Делюсин, О.Т. Богомолов, а также такие выдающиеся лично-

сти, как академики Н.Н. Иноземцев и Е.М. Примаков), не дерзали говорить о необходимости заканчивать «холодную войну». Что же касается США, то там постоянно возникали безумные идеи, типа нейтронной бомбы или провозглашенной президентом Р. Рейганом «стратегической оборонной инициативы» (СОИ), других аналогичных планов, которые говорили лишь о необходимости упорядочить и пересмотреть американский арсенал, не отказываясь от идеи победы над противником. Логика развития событий в советско-американских отношениях требовала решительного разрыва со сложившимся курсом и выхода из состояния конфликта, что должно было появиться как результат новых и нестандартных предложений.

Завершение противоборства

К концу 1980-х годов разумным людям по обе стороны конфликта становилось ясно, что «холодная война» не реализовала надежд её инициаторов, затративших на гонку вооружений ни с чем не сравнимые средства. Эта гонка истощила обе стороны, а для Советского Союза её последствия оказались вообще катастрофическими. Во второй половине 1970-х и в начале 1980-х годов советская экономика ещё держалась на плаву благодаря резко возросшим ценам на нефть на мировом рынке после октябрьского 1973 года кризиса на Ближнем Востоке. СССР вывозил огромные объёмы сырой нефти и нефтепродуктов, что позволило стране в течение 1973–1982 гг. заработать на конъюнктуре мировых цен более 200 млрд. долл. Отчасти это содействовало смягчению последствий экономического застоя для населения, но из-за обычного для авторитарной системы способа распределения доходов большинство заработанных средств ушло на различные амбициозные цели: война в Афганистане, помощь зависимым режимам (только страны Африки в тот период задолжали Советскому Союзу около 32 млрд. долл., не говоря уже о Кубе, Ираке, Сирии, Афганистане и др.), Олимпиада 1980 года и другие траты, подсказанные как пренебрежением реальным положением дел в стране, так и неуёмным стремлением продемонстрировать «мощь» и «силу» социализма.

В первой половине 1980-х годов начался период падения цен на нефть на мировых рынках, которые к 1985 г. опустились до 8 долл. за баррель. Это стало началом глубокого системного кризиса в СССР, усугублённого борьбой амбиций среди стареющей и болеющей верхушки (Ю.В. Андропов в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС в 1982–1984 гг., К.У. Черненко в том же качестве в 1984–1985 гг.), а также растущей апатией среди трудящихся масс и ростом протестного движения среди части интеллигенции. В США прекрасно знали об этом состоянии дел у контрпартнёра, и это вызывало довольно неоднозначную реакцию. Для большей части американского истеблишмента, включая президента Р. Рейгана (1981–1989 гг.), это выглядело как наконец-то реализующаяся возможность победы над коммунизмом. И в 1981–1983 гг. президент США активно ратовал за продолжение конфронтации. Но другой частью американского правящего класса, пусть и не столь многочисленной, но значительно более просвещённой, эта ситуация в СССР воспринималась как опасность серьёзного мирового кризиса. Советский Союз был второй опорой сложившегося мирового порядка, в котором Соединённые Штаты создали свой мир, состоявший из многочисленных

союзников и зависимых режимов, и сохранили позиции лидера. Угроза разрушения советской системы и её союзов, распад огромной советской военной машины, обстановка хаоса и беспорядка на столь большом пространстве могли стать источником реальной опасности позициям других стран, включая США.

В политике Вашингтона в отношении Советского Союза даже в годы «холодной войны» всё же проглядывали элементы сотрудничества и готовности оказать необходимую помощь в случае затруднений. Конечно, были и прямо противоположные подходы, в которых верх брала враждебность, и поэтому любые трудности советской страны сразу же вызвали рост надежд на победу США. Но с тех пор, как в Соединённых Штатах многие уверовали, что в современном мире началась активизация различного рода деструктивных сил экстремизма, национализма и антиамериканизма, сотрудничество с СССР стало рассматриваться в качестве инструмента, дающего основание надеяться на победу здравого смысла и идей модернизации, на сохранение мирового порядка в духе Устава ООН. И чем более сомнительными представлялись возможности военного разгрома Советского Союза, тем сильнее становились настроения в пользу сотрудничества и стабильности.

В частности, эти отнюдь не мифические настроения в США проявились в 1970-х годах в политике поставок американского зерна в СССР. Советское руководство видело, что понёсшее во Второй мировой войне тяжёлые потери сельское хозяйство страны с трудом обеспечивало население продовольствием, в первую очередь хлебом. Вся эпопея 1954–1957 гг. с освоением целинных земель Северного Казахстана и Южного Алтая и вводом их в сельхозоборот была подчинена решению задачи не допустить очередного голода (последний был в 1947–1949 гг.). Но эта надежда себя не оправдала, в основном по климатическим причинам, и поэтому уже в 1963 г. СССР сделал первые крупные закупки зерна в США и Канаде (12 млн. тонн). Сделка тогда породила кризис в рядах западных политиков. Далеко не все в США были согласны, что поставки зерна в Советский Союз и помощь ему в поддержании продовольственного баланса были в интересах Запада. И всё же администрация Дж. Кеннеди согласилась подписать стратегическое соглашение с СССР, по которому ежегодно США и их союзники продавали Москве от 7 до 12 млн. т зерна. Стабильность Советского Союза для этих американских политиков была важнее, чем какие-либо сиюминутные выигрыши в связи с возможными голодными бунтами в советских городах.

В этом плане в политике США в отношении Советского Союза при Р. Никсоне (1969–1974 гг.) начинает формироваться другая линия, параллельная линии на противоборство. Это – курс на частичное сотрудничество, который наиболее чётко развивался на переговорах по взаимному сокращению стратегических арсеналов. Состоявшаяся в июне 1967 г. неофициальная встреча председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина и президента США Л. Джонсона в Гласборо (Нью-Джерси) в принципе определила своего рода список проблем в советско-американских отношениях, которые требовали быстрого начала переговоров и поиска решений: предотвращение случайной ядерной войны, ограничение гонки вооружений, внедрение общих для сверхдержав «правил поведения», поиски решения глобальных проблем, в том числе проблем голода, охраны окружающей среды и др. Начало переговоров было

отложено в связи с «братской помощью» СССР чехословацкому народу в августе 1968 г., когда Чехословакия была оккупирована советскими войсками. Начавшийся диалог между СССР и США в годы президентства Р. Никсона (его визит в Москву в мае 1972 г., ответный визит Л.И. Брежнева в США в июне 1973 г., встреча советского лидера с вице-президентом США Дж. Фордом во Владивостоке осенью 1974 г.) привёл к появлению солидного объёма взаимных обязательств СССР и США, что уже позволяло говорить, даже на официальном уровне, о выходе на отношения «сотрудничества». Оставалось только придать произошедшему блеск теоретического обобщения.

В 1984 г. в Нью-Йорке вышла книга профессора Чикагского университета Р. Аксельрода под названием «Эволюция сотрудничества» [11]. Это было весьма серьёзное продвижение исследований поведения в конфликте, по своему интеллектуальному и академическому уровню вполне сопоставимое с трудами Т. Шеллинга, хотя и не получившее того же резонанса в обществе. На эту работу обратили большое внимание и в США, и в СССР (в частности в ЦК КПСС) и восприняли её как свидетельство необходимого обеим сторонам переосмысления стратегии действий в «холодной войне». Р. Аксельрод заметил, что предыдущие работы в области изучения поведения в конфликте, начиная с работы Т. Шеллинга, рассматривали конфликт как одноразовое действие, в ходе которого и определялся победитель. Иными словами, речь шла о «большой» ракетно-ядерной войне, в которой, как уже соглашались к тому времени большинство специалистов и в США, и в СССР, победителей не будет. Понимание тупиковости положения практиками-политиками и военными, хотя и не привело к полному отказу от стратегии «большой войны» (о чём говорят как доктринальные документы, так и структура расходов военного бюджета), породило уже упоминавшуюся стратегию «малых действий», небольших периферийных конфликтов с прямым участием великих держав (Вьетнам, Афганистан) или же с косвенной их вовлечённостью (Ближний Восток, Ангола, Эфиопия, Никарагуа). Большой конфликт между двумя сверхдержавами был как бы расчленён на целый ряд более мелких, в которых обе стороны «набирали очки», где выигрывая, а где проигрывая своему оппоненту. Положение стратегической стабильности сохранялось, но не за счёт замораживания общей ситуации, а посредством перемежающихся успехов и неудач.

Если перевести эти итоги поведения обеих сторон на матрицу соперничества – сотрудничества Т. Шеллинга («дилемма заключённого»), то получилась следующая картина. Имея перед собой возможность выбора в конфликте между стратегиями соперничества или сотрудничества, каждая из сторон принимала логическое решение соперничать, так как хотела выиграть в очередном небольшом конфликте (в Анголе, Никарагуа, на Гренаде, в Панаме и т.д.). Другая сторона, естественно, отвечала тем же, но выигрывал тот, кто первым принимал решение соперничать. Кто опаздывал, тот оказывался в проигрыше. Поэтому в следующем по порядку конфликте стороны менялись ролями: на этот раз проигравший первым принимал решение соперничать и, естественно, выигрывал. В итоге образовалась вполне понятная картина стратегий «око за око», и окончательный результат на любой момент времени был приблизительно одинаковым, поскольку слагался из суммы выигрышей и проигрышей.

Проведя эксперимент, в котором суммировались итоги выигрышей и проигрышей в условиях конфликта, Р. Аксельрод сравнил реальный результат с гипотетическим, который мог бы получиться, если бы обе стороны с самого начала выбрали стратегию сотрудничества. Вывод оказался поразительным: если бы каждый раз в случае очередного столкновения интересов стороны предпочитали придерживаться стратегии сотрудничества, а не соперничества, то конечный результат их взаимодействия был бы значительно выше, чем итог чередования стратегий соперничества и сотрудничества. Разумеется, все тонкости анализа поведения в конфликте, проведённого Р. Аксельродом, были до конца понятны только специалистам-конфликтологам, разбирающимся в полноценной обработке результатов игры на матрице «дилеммы заключённого». Но его окончательный и подкреплённый математическими расчётами вердикт – «сотрудничество выгоднее, чем соперничество» (естественно, в условиях «стратегического паритета») произвёл известное впечатление на ту часть читающей публики, вовлечённой в процессы разработки и принятия решений, которая не хотела слепо следовать логике соперничества и искала достойный выход из сложившегося положения. Тем более, что книга вышла в свет в 1984 г., а через год, в 1985 г., в СССР появился молодой и энергичный лидер, который решил изменить всю парадигму отношений между США и СССР.

Таким образом, можно сказать, что «холодная война», как форма своеобразного конфликта между СССР и США, к концу 1980-х годов исчерпала свои возможности в качестве средства реализации изначальных целей её участников и потребовала каких-то кардинальных решений, главным образом – завершения конфликта. Но такой вывод был абсолютно неприемлемым упрощением реального положения дел и скорее мог привести к опасным и завышенным ожиданиям, чем к положительному исходу. То, что «холодная война» должна была закончиться, у многих не вызывало сомнений. То, что появилась возможность сделать это, избежав глобального конфликта, также не оспаривалось. Но как это сделать, не вызвав нервной психопатической реакции, способной вылиться в кризис? Текущие события и в США, и в России дают достаточно оснований, чтобы понять, что пока всё ещё большие группы населения и правящего класса остаются недовольными тем результатом, который получился у М.С. Горбачёва и его американских партнёров (президентов Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего) и мечтают о том, чтобы «переиграть» историю. Списывать полностью «холодную войну» ещё рано, как вообще из сферы международных отношений (не будем забывать о «столкновении цивилизаций»), так и из обихода правящих кругов США и России.

Прежде всего, необходимо вспомнить, что «холодная война» породила мощные общественно-политические и экономико-технологические подсистемы. В какой-то степени экономики и США, и Советского Союза (сейчас – России), особенно их высокотехнологические сферы, науко- и капиталоемкие отрасли промышленности продолжают зависеть от уровня военных расходов. В США при президенте Дж. Буше-мл. (2001–2009 гг.) военный бюджет вырос в несколько раз, и не только из-за войн в Ираке и Афганистане. Решения о выходе из Договора по ПРО 1972 г. и о создании противоракетной обороны, о военной технике шестого поколения также нуждались в масштабной финансовой под-

держке. В России президент В.В. Путин в своём бюджетном послании на 2012–2015 гг. обещал выделить более 20 трлн. рублей на военные нужды, причём на стратегические вооружения, адресатом которых в существующих условиях могут быть только США.

Следовательно, вызванные к жизни «холодной войной» и получившие статус системообразующих экономические и политические структуры никуда не делись; они продолжают существовать и требуют учёта своих интересов. В силу разных обстоятельств, ни в США, ни в России не нашлось достаточно самостоятельных и решительных политиков, способных каким-то образом резко ограничить активность структур, появившихся в результате «холодной войны» (не говоря уже об их ликвидации). В какой-то степени сложившаяся ситуация подтверждает как влияние того, что в марксизме называется «объективными факторами» (действие обезличенных долгосрочных и относительно краткосрочных процессов, в которых участвуют массы людей), так и роль отдельных личностей, руководителей и политических деятелей, принимавших те или иные решения, которые то стимулировали противоборство, то его тормозили.

Роль лидерства в политике уже во многом исследована. В данном случае интерес вызывает взаимодействие мощной инерции «холодной войны», в которой с каждой стороны были задействованы миллионы людей, тысячи структурных единиц (министерства, ведомства, деловые круги, научные центры и т.п.), огромные финансовые средства, передовые технологические системы, общественное мнение или мнение отдельных популярных личностей, с персональным восприятием этой войны руководителями стран и их окружением, тех инстанций, которые готовили и принимали принципиальные решения. Если бы в этой сфере царило «единодушие», то, наверное, «холодная война» так никогда бы и не закончилась. Либо, как вариант, она закончилась бы всеобщей катастрофой, поскольку «играть в войну» до бесконечности невозможно. Рано или поздно нервы сдадут, и либо одна из сторон, либо обе вместе делают ошибки, которые ведут к окончательному кризису.

Тем самым, в этой области, как и во многих других, возникает своеобразный «заколдованный круг»: чтобы прийти к власти в упорядоченных системах (там, где работает легитимность), будущий лидер должен освоить методы управления мнением коллег и доказать им, что он способен стать самым эффективным защитником их интересов. Тогда он может добиться успеха и занять соответствующее место в иерархии. Но если после этого он продолжит играть ту же роль, не привнеся в неё изменений (как это делал, к примеру, Л.И. Брежнев), то его правление приведёт либо к застою, либо исчезнет из памяти народа, не успеет он уйти. Настоящий лидер должен проявить себя, не опасаясь, что его «не поймут» или даже осудят недалёкие политики. Он должен обладать мужеством быть самим собой и выступить против течения, если почувствует, что течение несёт страну к катастрофе.

Лидер с психологией обывателя (заботящийся прежде всего о душевном комфорте и личной безопасности) – это беда страны. Оставаясь как гоголевская дама «приятным во всех отношениях», он не в состоянии играть ту роль, на которую его определил выбор большинства: вести вперёд, в далеко не всегда ясное будущее, исправляя по пути собственные ошибки и ошибки своих пред-

шествеников. Это отнюдь не всегда приятно и безопасно в личном плане, но такова судьба «шапки Мономаха» – власти. В истории «холодной войны» далеко не все лидеры дотягивали до уровня задач своего времени. Были лидеры популярные и в целом довольно успешные (например, Д. Эйзенхауэр), но ничего судьбоносного при них так и не произошло; процессы, порой даже враждебные и опасные, продолжались, и перспектива не менялась. Иногда, наоборот, было нечто в личности лидера, резко менявшее общественный климат и дававшее надежды на поворот в лучшую сторону. Таким лидером в СССР был Н.С. Хрущёв с его «оттепелью», в США – Дж.Ф. Кеннеди, при котором американцы поверили в лучшее будущее.

На примере «холодной войны», её эволюции и движения от одной веховой ситуации к другой вполне можно проанализировать, насколько индивидуальности лидеров, их знания и опыт, интуиция, личный «мессидж» помогали переналадить работу военно-политических систем, обеспечивающих позиции страны, направить их в менее воинственное и более конструктивное русло. Роль личности в истории и без того весьма велика и, в зависимости от масштаба личности, может оказать определяющее влияние на весь ход исторического процесса. И в политике, хотя совершенно справедлив тезис о том, что «политика – функция миллионов», роль личности имеет огромное значение. Принятые решения, которые становятся политикой партий, государств, корпораций и т.д., обрастают механизмом реакции, составляющим суть политического процесса. И именно в этой связи дихотомия «лидер – массы» при исследовании политических процессов должна постоянно оставаться в центре внимания.

В советской политической науке (которой до 1989 г. формально не существовало, поскольку её место занимала, хотя и не очень успешно, «история КПСС») вопрос о роли личности признавался. Весьма формально и поверхностно, потому что на каждом этапе развития страны существовал тот, которого полагалось цитировать в статьях и книгах. Но при этом царило железное правило: «вождь выражает чаяния масс», а поэтому его роль сводилась всего лишь к способности понять желания трудящихся и сформулировать на этой основе политическую линию. На самом деле это был некий трюк, пропагандистский фокус, который должен был служить возвеличиванию вождя. При этом его авторы понимали, что каждый последующий вождь относился весьма критически ко всему, что делал и говорил его предшественник. Отсюда – установка на «чаяния масс».

Безусловно, отдельные политики, руководители государств и политических партий своей личностью, знаниями, представлениями оказывают определяющее влияние на формирование политики, а иногда даже на её итоги. Это, в частности, отразилось на процессе зарождения и протекания «холодной войны». Ведь не секрет, что в историческом масштабе в геополитическом измерении интересы России и Соединённых Штатов редко приходили в столкновение, «заслуживающее» угрозы мировой войны. Этот факт отмечали некоторые вдумчивые наблюдатели ещё в XIX веке: Наполеон Бонапарт, Алексис де Токвиль, А.М. Горчаков, Отто фон Бисмарк. В разных ситуациях они называли несколько мотивов: во-первых, что обе страны расположены так, чтобы, с одной стороны, контролировать окружающее пространство, а с другой – не мешать жить друг

другу. Во-вторых, сходство путей их развития состояло в том, что Россия исторически шла по континенту на восток, осваивая огромные пространства Евразии, пока не вышла к Тихому океану и к Китаю, а США двигались по своему континенту в противоположном направлении – на запад, пока также не вышли на восточное побережье Тихого океана и далее, до морского побережья Китая. В-третьих, обречённость обеих держав на то, чтобы играть глобальную роль, даже когда они воздерживались от активной внешней политики (США – в период изоляционизма, СССР – в 1920-х и 1930-х годах). В-четвёртых, умение осваивать огромные пространства и вводить их в мировой оборот. И многое другое, что предопределило интерес обеих стран друг к другу.

Рано или поздно Россия и Соединённые Штаты должны были войти в прямой контакт в мировой политике. Кроме них в этой политике действуют объединённая Европа, Китай, Индия. У каждой пары («диады») этих игроков свои проблемы, свои претензии и свои планы: Европа и Россия, Европа и Китай, Европа и Индия, Китай и Индия, Китай и Россия, Индия и Россия и т.д. В чём-то главное их интересы либо прямо совпадают, либо, по меньшей мере, не противоречат друг другу. В чём-то же, наоборот, их цели вступают в борьбу, и всё это предопределяет ход мировой политики. Россия и США в этом «созвездии» имеют свою повестку дня и свои вопросы, требующие, во-первых, их притирки, а во-вторых, их вписывания в мировую структуру. В принципе, в ходе общемирового исторического процесса «холодная война» оказалась первой по порядку формой и содержанием прямого контакта России и США в качестве глобальных величин и, с этой точки зрения, слава богу, что этот контакт не стал прологом к всеобщей катастрофе.

Но значение «холодной войны» и её перипетий значительно шире, чем просто констатация факта её начала и завершения. Наступающий в мировой политике этап, когда в столкновение приходят приблизительно равные по возможностям, амбициям и масштабам величины, может содержать в себе потенциальную опасность их враждебности, подозрительности и готовности к новым «холодным войнам». Поэтому столь важен анализ протекания «холодной войны» между США и СССР и выявления убедительных объяснений, почему она развивалась так, как это было, а не иначе; почему она не вылилась в войну «горячую» (хотя для этого имелись все предпосылки), почему, наконец, она завершилась так, как завершилась. Подобный разбор представляет не просто сугубо академический интерес, понятный в связи с тем, что весь процесс протекания «холодной войны» так и остался недоисследованным и продолжает вызывать вопросы. Это ещё и вопрос перспективы, поскольку оружие массового поражения у всех новых игроков имеется, амбиций хватает, а опыта деятельности на высших эшелонах глобальной иерархии явно недостаточно.

В этой связи и появилось желание заново исследовать известные факты, найти убедительное объяснение поведению развитых, мощных и просвещённых государств, вступивших в смертельную схватку и сумевших выйти из неё. Почему? Какую роль здесь сыграл страх перед ракетно-ядерным нападением? Где проходила грань между приемлемым и неприемлемым? В какие моменты сорока лет «холодной войны» в умах лидеров наступало прозрение и появлялась озабоченность судьбами своих народов, а в какие – их это мало интересовало и

на передний план выдвигались надежды заполучить чудо-оружие, найти уязвимые места в обороне противника, заставить его принять свои условия и, может быть, даже разгромить его. Всё это ставит весьма серьёзные вопросы перед исторической наукой о международных отношениях и может послужить основой для будущих исследований.

Список литературы

1. Безопасность для всех: программа разоружения. Доклад независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности под председательством Улофа Пальме. М: Прогресс, 1982. 288 с.
2. Доктрина Никсона / Под ред. Ю.П. Давыдова, В.В. Журкина, В.С. Руднева. М: Наука, 1972. 232 с.
3. Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР. М: Центрополиграф, 2002. 480 с.
4. Самуйлов С.М. Внешнеполитический механизм США. Основы и современное реформирование. М: ИСКРАН, 2013. 315 с.
5. Трофименко Г.А. США: политика, война, идеология. М: Мысль, 1976. 359 с.
6. Уткин А.И. Мировая холодная война. М: Алгоритм, 2005. 712 с.
7. Фулбрайт Дж. Самонадеянность силы. М: Международные отношения, 1967. 256 с.
8. Черняев А.С. Избранное. М: Собрание, 2011. 560 с.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. М: Политиздат. Изд. 2-е. Т. 21.
10. Acheson D. Present at the Creation: My Years in the State Department. New York: W.W. Norton and Co, 1969. 816 p.
11. Axelrod R. The Evolution of Cooperation. New York: Basic Books, 1984. 264 p.
12. Destler L.M. Presidents, Bureaucrats, and Foreign Policy. The Politics of Organizational Reform. Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1972. 355 p.
13. Huntington S. The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. Summer 1993.
14. Kahn H. On Escalation: Metaphors end Scenarios. New York: Praeger, 1965. 326 p.
15. Kanet R., Kolodziej E. The Cold War as Cooperation: Superpower Cooperation in Regional Conflict Management. London: Macmillan, 1991. 384 p.
16. Kennan G.F. Containment: 40 Years Later // Foreign Affairs. Spring 1987.
17. Kissinger H. American Foreign Policy: Three Essays. New York: W.W. Norton and Co, 1969. 134 p.
18. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2005. 191 p.
19. Rapoport A. Fights, Games, and Debates. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960. 416 p.
20. Schelling T.C. Strategy in Conflict. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1960. 328 p.
21. U.S. – Soviet Security Cooperation: Achievements, Failures, Lessons / Ed. by A. George, Ph. Farley, A. Dallin. New York: Oxford University Press, 1988. 768 p.
22. «X». The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. July 1947.